

МАРИНА ЛЕОНИДОВНА НОХРИНА

доцент кафедры гражданского права СПбГУ,
кандидат юридических наук

m.nokhrina@spbu.ru

АБСОЛЮТНОЕ СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО НА ЗДОРОВЬЕ: ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье анализируется цивилистический аспект права на здоровье. Отмечается, что традиционно оно рассматривается в науке международного и конституционного права (ст. 25 Всеобщей декларации прав человека, ст. 41 Конституции РФ), где понимается и с негативной, и с позитивной стороны как возможность требовать от государства создания условий, обеспечивающих здоровье человека. Вместе с тем в последнее время предпринимаются попытки обосновать гражданско-правовую природу субъективного права на здоровье как права на владение, пользование и распоряжение своим здоровьем. В статье этот подход критикуется. Делается вывод, что здоровье — это необходимая предпосылка для вступления лица в любые отношения, но не объект, по поводу которого возникают какие-то **особые** общественные отношения. В рамках права на здоровье не существуют положительных правомочий, поскольку *здоровье* как неотделимое от человека благо реализуется во всех общественных отношениях. По поводу здоровья не возникает соответствующего субъективного права, оно лишь охраняется гражданским правом как нематериальное благо (ст. 150 ГК РФ). Этот вывод имеет как теоретическое значение (при решении вопроса о предмете гражданского права), так и практическое — для определения места соответствующих норм в ГК РФ.

Ключевые слова: право на здоровье, позитивные обязанности государства, правомочия права на здоровье, владение, пользование и распоряжение здоровьем, охрана здоровья, нематериальное благо

В ст. 25 Всеобщей декларации прав человека содержится положение о том, что каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания **здоровья** и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по независящим от него обстоятельствам.

В соответствии со ст. 41 Конституции РФ каждый имеет **право на охрану здоровья** и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений. В Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию.

Право на здоровье в этом смысле традиционно рассматривается в рамках науки международного и конституционного права¹. При этом сторонники **узкого толкования** видят его содержание в первую очередь в **недопустимости причинения вреда здоровью**. Сторонники **широкого понимания** не ограничиваются запретом на причинение вреда, а включают в право на здоровье создание **государством** правовых, социальных, экономических и иных условий, обеспечивающих здоровье человека. Это так называемое **позитивное** обязательство государства в рамках конституционного и международно-правового регулирования.

Таким образом, в науке международного и конституционного права постулируется существование относительных правоотношений гражданина с государством, в рамках которых существует **право требования соответствующих активных действий со стороны государства по обеспечению здоровья человека**.

Вместе с тем в последнее время имеют место попытки обосновать **гражданско-правовую природу** субъективного права на здоровье². Одним из сторонников такого подхода является М.Н. Малеина. По ее мнению, позитивное содержание личного неимущественного гражданского права на здоровье складывается из правомочий **владения, пользования и распоряжения** своим здоровьем. Правомочия **по владению** и пользованию здоровьем осуществляются фактически постоянно, но как бы юридически «незаметно», а проявляются в особых ситуациях и в случае нарушения здоровья. Так, гражданин может осуществлять правомочия по владению и использованию своего здоровья путем обращения в медицинское учреждение и заключения договора на оказание медицинской помощи. При этом он становится обладателем относительных субъективных прав (на квалифицированную медицинскую помощь, выбор врача, информацию о состоянии здоровья, проведение консилиума и пр.), которые конкретизируют содержание права на здоровье и определяют его пределы. Другой способ использования своего здоровья, по мнению М.Н. Малеиной, — вынашивание и рождение женщиной ребенка, зачатого путем имплантации в ее организм чужой оплодотворенной яйцеклетки, с последующей передачей рожденного его биологическим родителям. Правомочие **по распоряжению** своим здоровьем, по словам автора, предполагает приня-

¹ См., напр.: Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М., 1995. С. 198.

² См., напр.: Красавчикова Л.О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург, 1994; Малеина М.Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан. М., 1991.

тие дееспособным лицом самостоятельных решений, в том числе таких, которые неблагоприятно отразятся на здоровье. Например, существует возможность заключить договор об участии в биомедицинском исследовании (эксперименте на здоровом человеке), а также договор донорства, поскольку при этом нарушается телесная оболочка и возникает риск временного или постоянного ухудшения состояния здоровья. При этом необходимым условием проведения эксперимента является свободное письменное согласие гражданина — объекта исследования³. Правомочие по распоряжению своим здоровьем проявляется также в возможности отказа гражданина от медицинского вмешательства или требования его прекращения⁴.

Трудно согласиться с механическим переносом категорий, относящихся к праву собственности, к личным неимущественным правам. Как следует из позиции М.Н. Малеиной, любой признак, характеризующий индивида, может расцениваться в значении объекта, владение и распоряжение которым зависит от управомоченного. Однако правомочия владения и распоряжения едва ли приложимы к здоровью. Эти категории в их традиционном понимании применимы лишь к объектам, отделым от управомоченного субъекта. Между тем здоровье человека неотделимо от самого человека, и в силу этого он в принципе не может совершать в отношении своего здоровья какие-либо активные действия, включая действия по владению и распоряжению.

Нельзя не заметить противоречия в позиции М.Н. Малеиной. Так, запрет проведения опытов в той части, когда опыты связаны со «значительным риском», охватывается у нее правом на жизнь, а когда они просто «могут неблагоприятно отразиться на здоровье» — правом на здоровье. То же самое обнаруживается и при рассмотрении правомочия на отказ от медицинского вмешательства. М.Н. Малеина анализирует это правомочие и в рамках права на жизнь (пассивная эвтаназия), и в рамках права на здоровье. Между тем юридическая природа этих правомочий одинакова: никто не вправе проводить опыты и лечение без согласия управомоченного, кроме случаев, предусмотренных законом.

Правомочие требовать прекращения лечения является не абсолютным, а *относительным*, поскольку имеет место в обязательственных правоотношениях клиента с медицинским учреждением.

По мнению Л.О. Красавчиковой, правом на здоровье охватываются следующие возможности: право на получение квалифицированной медицинской помощи, право на своевременную лекарственную помощь, право на квалифицированное и своевременное протезирование, право на врачебно-косметологическое лечение, право на донорство и трансплантацию органов и тканей, право на участие в ме-

³ См.: Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 21–23; Она же. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2000. С. 76–83.

⁴ См.: Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. С. 82.

дицинском эксперименте⁵. Между тем все эти правомочия, входящие, по мнению автора, в абсолютное субъективное право на здоровье, на самом деле существуют в рамках относительных правоотношений, поскольку предполагают *активное поведение обязанных лиц*. Относительный характер носят и правоотношения женщины, вынашивающей чужого ребенка, с его родителями и медицинскими учреждениями, оказывающими услуги по имплантации эмбриона, так как эти отношения возникают на основании соответствующих договоров. Абсолютных же правоотношений, в рамках которых человек мог совершать какие-либо активные действия в отношении своего здоровья, не существует⁶.

Нельзя относить к праву на здоровье все предоставляемые законодателем возможности лишь потому, что они имеют тесную взаимосвязь со здоровьем как таковым. При подобной трактовке право на жилье будет являться элементом права на здоровье, поскольку без жилья здоровье человека может ухудшиться от переохлаждения.

Таким образом, можно признать, что у человека остается **лишь правомочие распоряжения здоровьем, включающее возможность подвергать себя риску. Кроме того, имеется возможность требовать от всех окружающих лиц воздерживаться от действий, ухудшающих его здоровье, кроме случаев, установленных законом**⁷.

Можно ли согласиться с существованием указанных правомочий? Со своей стороны хотелось бы отметить следующее. Здоровье — это необходимая предпосылка для вступления лица в любые отношения, **но не объект, по поводу которого возникают какие-то особые общественные отношения**. Человек может лишить себя здоровья тем или иным способом. Однако в данном случае объектом его действий в рамках соответствующих общественных отношений будет не само здоровье, а те средства (вещи), воздействуя на которые человек лишает себя здоровья. Здоровье (а точнее, ее ухудшение) в данном случае выступает **не объектом активных действий человека, а их целью**. Например, заказ медицинских услуг для поддержания здоровья. **Здесь объектом гражданских прав будут соответствующие услуги, а не здоровье**.

Основной же недостаток позиции, по которой в рамках права на здоровье существуют некие **положительные** правомочия, состоит в том, что **здоровье** как неотделимое

⁵ См.: Красавчикова Л.О. Указ. соч. С. 92–117.

⁶ В рамках права на здоровье Т.В. Дробышевская конструирует право на сон (см.: Дробышевская Т.В. Личные неимущественные права граждан и их гражданско-правовая защита. Красноярск, 2001. С. 47). Однако она не определяет, что конкретно и от кого может требовать управомоченное лицо на основании такого права. Поэтому оценить позицию автора не представляется возможным.

⁷ На это указывала М.Н. Малеина в более ранней работе: «Право человека на здоровье конструируется как его личное неимущественное право находиться в состоянии полного психического и физического благополучия. Оно имеет абсолютный характер, так как ему соответствует обязанность всех остальных членов общества воздерживаться от действий, нарушающих это право» (Малеина М.Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан. С. 26).

от человека благо реализуется во всех общественных отношениях, участником которых становится человек. Не существует какого-либо особого абсолютного общественного отношения, в рамках которого человек совершал бы активные действия, направленные на свое здоровье.

В любом общественном отношении так или иначе присутствует **человеческая деятельность**. Ее роль в общественном отношении может пониматься по-разному, но она **никем и никогда не исключалась из понятия общественного отношения**⁸. Наличие человеческой деятельности является основным критерием, отличающим общественные отношения от других связей в обществе⁹. В ряде общественных отношений на определенной стадии активного поведения может и не быть. Как обоснованно отмечает В.Л. Слесарев, общественное отношение как форма взаимосвязи субъектов имеет своим содержанием возможность деятельности либо реализацию данной возможности — саму деятельность¹⁰. Например, такая ситуация имеет место в обязательственных отношениях при отсрочке исполнения, когда ни управомоченное, ни обязанное лицо каких-либо действий не совершают. Однако не бывает таких общественных отношений, в которых *вообще не существует и не может существовать* какого-либо **активного** поведения их участников.

Пассивное поведение само по себе не может составлять содержание общественного отношения, поскольку при бездействии лицо вообще не вступает в какие-либо связи с окружающими. Да, действительно, бездействие можно считать актом поведения, когда лицо сознательно не совершает каких-либо действий, хотя имеет возможность их совершить. Однако в этой ситуации акт поведения в виде бездействия остается лишь в сознании человека и не может восприниматься окружающими. Именно поэтому бездействующие по отношению друг к другу лица не вступают в какие-то особые общественные отношения, связанные с этим бездействием.

Содержание общественного отношения не может также заключаться только в таком *активном* поведении, когда управомоченное лицо *предъявляет к обязанному лицу требование соблюдать определенный запрет*. Поведение стороны общественного отношения в виде требования определенного поведения от другой стороны также появляется лишь *в результате правового регулирования*. В частности, требование не совершать определенных действий появляется в результате введения соответствующего правового запрета. Пока общественное отношение не урегулировано правом,

⁸ См., напр.: Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношения. М., 1980. С. 80; Гревцов Ю.И. Проблемы теории правового отношения. Л., 1981. С. 11; Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). М., 1968. С. 91; Протасов В.Н. Место и роль субъективного права в правовом отношении с точки зрения системного подхода // Философские проблемы субъективного права. Ярославль, 1990. С. 15; Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 215–216; Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961. С. 73; Слесарев В.Л. Объект и результат гражданского правонарушения. Томск, 1980. С. 19; Никифоров Б.С. Объект преступления. М., 1960. С. 64; и др.

⁹ См.: Ткаченко Ю.Г. Указ. соч. С. 80.

¹⁰

ни одна из его сторон не может требовать от другой стороны соблюдения такого запрета. Следовательно, любое общественное отношение предполагает какое-либо активное поведение хотя бы одного из его участников, не сводимое к требованию соблюдения определенного запрета.

В силу этого не бывает и *правоотношений*, в которых ни управомоченное, ни обязанное лицо не совершают каких-либо активных действий, и, соответственно, существующих в их рамках так называемых негативных субъективных прав, содержание которых сводится лишь к требованию соблюдения обязанным лицом определенного запрета. На это обращали внимание О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский. По их мнению, правоотношений, где ни одна из сторон не осуществляет активных действий, в природе не бывает¹¹. Правовое отношение имеет место только в том случае, если его субъекты активно действуют¹². Поэтому невозможно согласиться с А.В. Наумовым, который признает существование «общественных отношений *по поводу воздержания* (курсив наш. — М.Н.) лиц от совершения преступления вследствие уголовно-правового запрета»¹³.

О существовании «негативных» субъективных прав можно говорить лишь в том случае, если понимать правоотношение исключительно как *связь права и обязанности*, а не как *общественное отношение, урегулированное нормой права*. Как указывает Н.Д. Егоров, спор между сторонниками двух концепций понятия правоотношения сводится к тому, как осуществляется связь между участниками правоотношения — через их субъективные права и обязанности или же посредством взаимообусловленного этими правами и обязанностями поведения субъектов правоотношений¹⁴. Применительно к личным неимущественным правоотношениям этот вопрос можно поставить следующим образом. Если понимать под правоотношением исключительно *связь права и обязанности*, то, например, правоотношение жизни можно сформулировать как обязанность воздерживаться от посягательств на жизнь и как право требовать исполнения этой обязанности. Если же понимать правоотношение как *общественное отношение, урегулированное нормой права*, то оно в принципе существовать не может, как не может быть общественного отношения, где ни одна из сторон не совершает никаких активных действий.

В данном споре следует присоединиться к точке зрения тех авторов, которые полагают, что правоотношение, как и любое общественное отношение, представляет собой связь, складывающуюся в результате взаимодействия между людьми. Взаимодействовать же люди могут, только совершая определенные действия¹⁵. К. Маркс писал, что правовые отношения не могут быть поняты ни из самих себя,

¹¹ См.: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 215–216.

¹² См.: Мальцев Г.В. Указ. соч. С. 91.

¹³ Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. Волгоград, 1973. С. 18.

¹⁴ См.: Егоров Н.Д. Понятие имущественного правоотношения // Вестник Ленингр. ун-та. Вып. 4. 1980. № 23. С. 59.

¹⁵ См. там же.

ни из так называемого общего развития человеческого духа, они коренятся в материальных жизненных отношениях¹⁶. Следовательно, как не может быть общественного отношения, в котором обе стороны бездействуют, так и не может быть соответствующего правоотношения, а также существующего в его рамках «негативного» субъективного права. Говорить о субъективном праве можно только тогда, когда характер интереса предполагает совершение в целях его удовлетворения каких-либо активных действий либо носителем интереса, либо другими лицами. В этом случае между носителем интереса и этими лицами складывается общественное отношение, при правовом регулировании выступающее в форме правоотношения, в рамках которого и существует субъективное право.

Таким образом, применительно к здоровью можно говорить о наделении лица лишь **возможностью требовать от всех окружающих лиц воздержания от действий, влекущих за собой его ухудшение**. Однако из содержания этих возможностей видно, что они сводятся лишь к требованию соблюдения установленного законом запрета. Какого-либо другого активного поведения они не предполагают. Это означает, что в основе этих возможностей не лежат какие-либо общественные отношения, которые характеризуются активным поведением хотя бы одной из сторон, не сводящимся к требованию соблюдения запрета. Следовательно, *эти возможности не образуют субъективные права, о чем свидетельствует и их негативный характер*.

На основании вышеизложенного может быть сделан следующий вывод. Гражданское законодательство не знает абсолютного субъективного права на здоровье. Оно лишь охраняет здоровье как соответствующее нематериальное благо. Именно такое толкование вытекает из ст. 150 ГК РФ, говорящей лишь о защите нематериальных благ.

Каково теоретическое и практическое значение сделанного вывода? Если действующее законодательство устанавливает, что наряду с субъективными правами в суде защищаются и непосредственно нематериальные блага, может возникнуть вопрос: какое теоретическое и практическое значение имеет вывод об обеспечении одних интересов субъективными правами, а других — их охраной? Казалось бы, субъектам гражданского права все равно, что защищается в суде: субъективное право или нематериальное благо. И.А. Покровский высказал точку зрения, что по отношению к жизни, телесной неприкосновенности или свободе вопрос о субъективном гражданском праве ввиду широкой охраны этих благ со стороны уголовного закона имеет чисто **теоретическое** значение¹⁷.

Согласимся с этим. Но, как пишет Н.Д. Егоров, действительная ценность научного произведения определяется не столько количеством содержащихся в нем практических выводов, сколько обоснованностью лежащих в их основе теоретических положений. Какими бы значительными ни казались различного рода конкретные

¹⁶ См.: Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М., 1959. С. 6.

¹⁷ См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 122.

практические предложения, содержащиеся в научной работе, если они не имеют под собой надлежащего теоретического обоснования, их действительная практическая ценность нередко сводится к нулю¹⁸.

Вывод о том, что такое нематериальные благо, как здоровье, не опосредуется соответствующими общественными отношениями, во многом облегчает решение проблемы предмета гражданско-правового регулирования. Поскольку в данном случае общественных отношений не существует, их не надо учитывать и при характеристике общественных отношений, регулируемых гражданским правом. Так, в связи с тем, что не может быть самостоятельных отношений по поводу здоровья, последние не могут и не должны приниматься во внимание при определении предмета гражданско-правового регулирования.

А из этого вытекают уже и практические последствия. Нормы о защите здоровья совершенно обоснованно содержатся в ГК РФ в главе 8 подраздела 3 «Объекты гражданских прав», а также в главе 59 о деликтах, которая запрещает причинение вреда здоровью. Если бы отношения по поводу здоровья имели **самостоятельный гражданско-правовой** характер, то соответствующие нормы о праве на здоровье должны были бы содержаться в специальном разделе ГК РФ, посвященном уже конкретным отношениям по поводу здоровья. Скорее всего, они бы были помещены перед разделом о праве собственности¹⁹.

---

¹⁸ Егоров Н.Д. Проблемы общего учения о праве собственности: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1978. С. 11.

¹⁹ Как это и сделано в ГК Украины, где раздел о личных неимущественных правах помещен в главах 20–22 перед разделом о праве собственности.